Автор: admin
16.12.2009 17:19 -

Увидеть море

«Они рождались, как реки, высоко в горах, а умирать уходили в море. Но их тела не расплывались бирюзовой пеной, а обрастали плавниками, щупальцами, покрывались чешуей или панцирем. Они превращались в ярких, проворных рыбок, страшных осьминогов и холодных медуз...»

Садилось солнце, и рвущийся к прозрачному небу огонь, зыбкий и неуловимый, как алая ртуть, набегал на каменистый берег. Ларс не удержался и зажмурился, ожидая удара тепловой волны, но жара не почувствовал. Вечерняя прохлада уже коснулась умирающего мира - еще немного, и она остудит, приглушит пылающие краски.

Мальчик шел, медленно ступая босыми ногами по крупной гальке, и ленивый ветер нашептывал ему:

«...Ты — один из них. Ты наш, ты часть моря, а значит, часть жизни. Потому что море — это сама жизнь».

Ларс любил приходить сюда, а когда в наказание или из-за плохой погоды мама оставляла его дома, стоял у окна и смотрел вниз, на облитую дымящимся серебром гладь. Картинка за окном всегда менялась. То пасмурная, черно-белая — рваное небо в ошметках грозовых облаков, пятнисто-серые волны, сердито шевелящие на мелководьи скучные серые камни. То яркая, завораживающая своей красотой.

Иногда здесь появлялись миражи: блестящие радуги-водопады, низвергающиеся с раскаленного неба, такого ослепительного, что невозможно сказать, какого оно цвета — синего, зеленого или бело-золотого.

Маленькому Ларсу едва исполнилось шесть лет, и он не понимал, почему на языке взрослых вместо «отправиться к морю» нужно говорить «пойти погулять в парк», и почему у мамы каждый раз делалось такое странное лицо, когда он пытался рассказать ей о своем друге-дельфине. Не понимал, но чувствовал, что есть в этом что-то неправильное, какая-то фальшь, пронизывающая весь его крошечный мир, как плесень проедает отсыревшие стены. Постепенно привыкая к первой в жизни лжи, мальчик учился называть знакомый по книжкам голубой простор прудом - хотя не бывает на свете такого пруда, чтобы от горизонта до горизонта - а обглоданный волнами пляж — парком, хоть и не росло там ни одного дерева. Хоть и не похожа была узкая литораль на чинную заасфальтированную дорожку, а два плоских скалистых уступа на уютные городские скамеечки.

От белесых камней поднимался вкусный соленый пар, пахло вяленой рыбой и разомлевшей на солнце морской травой. Мальчик лег животом на один из уступов и, сложив губы трубочкой, тихо посвистел. Его друг приплыл сразу, как будто ждал зова, и высунув мордочку из воды, улыбнулся Ларсу. Да, дельфин умел улыбаться, а еще с ним можно было разговаривать, но не словами, а как бы из сердца в сердце.

- Привет, Дик! - сказал Ларс, свесившись с уступа так низко, что чуть не соскользнул в воду. Но он не боялся моря. - Расскажи мне про сады из кораллов. И про черные вулканы, те, что глубоко-глубоко. А правда, что там совсем темно, и каждая рыбка плавает с маленьким фонариком?

- Правда, - ответил Дик, и неуклюже ткнулся носом в ладонь друга. Кожа дельфина, всегда прохладная и упругая, сегодня показалась Ларсу сухой, горячей, и мальчик забеспокоился, что его приятель заболел.

- Скажи, ведь ты не уйдешь от меня? Как мой братик Кай?

- Не бойся, дельфины не умирают. Точнее, умирают, но не так, как люди. Души дельфинов вечны.

Потом Дик рассказывал ему длинную сказку про коралловые рифы, остров сирен, и заколдованный маяк. И они оба бегали наперегонки, вернее, Ларс бежал по пляжу, а дельфин плыл вдоль берега и, конечно, первым достиг поросшего бахромой из водорослей и ракушек волнореза.

Солнце тем временем опустилось за жидкий горизонт, и мир из огненного стал багровым. Небо утратило прозрачность, а берег обратился в колючие рубиновые россыпи; их с печальным шепотом лизали остывающие, но еще теплые язычки крови.

Воздух медленно густел, и холодные серебристые отсветы начали появляться в нем. А в разноцветном домике на склоне горы распахнулось слюдяное окошко.

- Ларс, иди ужинать!

- Пока, - грустно сказал мальчик дельфину. - Меня мама зовет. До завтра, да?

Он стоял и провожал уплывающего Дика взглядом. Несколько раз мелькнул среди серовато-красных волн острый плавник и исчез. Только волны остались, однообразные, бьющиеся друг о друга в бессмысленном, хаотичном ритме.

***

- Хочешь порисовать, Ларс? Или поиграй в лего, а я поговорю немного с твоей мамой.

Я беру мальчика за руку и отвожу в уголок с игрушками, а мать — красивую женщину лет тридцати — приглашаю за свой стол. Сам усаживаюсь напротив и ненавязчиво разглядываю ее. Бледное, слегка удлиненное лицо, ярко-зеленые глаза, к которым совсем не идет коричнево-красная с глухим воротом блузка; медовая копна волос, нестриженных, уложенных кое-как. Во всем облике фрау Элькем сквозит едва заметная неряшливость. Думаю мельком: «Обычная история: муж ушел, сын болен... начала опускаться.»

Элькемы первый раз у меня на приеме, до этого мальчик наблюдался у детского врача в Триере, два раза лежал в городской клинике на обследовании. Сильное отставание в развитии, нарушения речи и мелкой моторики, умственная отсталость. Так написано в анамнезе, но мать говорит другое:

- Он очень изменился за последнее время. Я надеюсь отдать его в нормальную школу, может быть, не этим летом, а на год позже.

- Хорошо. Давайте по порядку.

Я задаю стандартные вопросы: «Вес и рост при рождении? Нормальные роды? Кесарево? Есть сестры, братья?» - «Был брат, на три года старше — Кай — умер прошлой осенью от энцефалита.» - «Во сколько лет начал ходить? Говорить?» - «Пошел в два с половиной. А говорить... отдельные слова: «папа», «мама». Тогда папа еще жил с нами... А одиннадцать месяцев назад, мы только-только переехали в Ноенкирхен и сняли квартиру в доме напротив городского парка. И вот, мы гуляли в этом самом парке...»

Они гуляли возле маленького, наполовину затянутого тиной пруда, рассказывает фрау Элькем, и Ларс нашел на берегу раковину моллюска — красивую, игольчатую и почти целую, наверное, ее завезли вместе со щебнем. Тогда-то мальчик и произнес свою первую фразу: «Мама, что это?» И внимательно, как зачарованный, слушал рассказ матери о море, потом вместе с ней смотрел книжки с картинками и спрашивал, спрашивал... Как будто открылся какой-то шлюз. Ребенок болтал без умолку, словно хотел наговориться за годы молчания.

С этого дня он начал меняться прямо на глазах. И все просил мать пойти с ним в парк, потом стал бегать туда один, благо заболоченный прудик находился как раз под их окнами.

- И такие странные истории выдумывает, - удивляется фрау Элькем. - Я понимаю, детские фантазии, игры... но, такие живые? А вдруг галлюцинации? Будто это не пруд, а настоящее море, и там якобы живет его приятель-дельфин. Даже кличку ему придумал — Дик. Дельфин, представляете? Ладно бы, какой-нибудь тритон. Мне кажется, в этой луже не водятся даже тритоны.

Я бросаю взгляд в дальний угол комнаты, где посреди синтетической лужайки маленький Ларс пытается... сложить из льдинок слово «вечность»?.. нет, всего лишь построить башню из разноцветных кубиков. Мальчик поднимает голову и улыбается мне, я улыбаюсь ему в ответ — мы поняли друг друга.

- Ракушка попала на берег не случайно, - говорю я. - Раньше там было море, но потом оно ушло.

Лицо матери становится напряженным, и я понимаю: она ждет от меня подтверждения своих страхов. Но я не намерен играть в ее игру. Ребенок здоров, он почти догнал в развитии сверстников, и дельфин по имени Дик помог ему в этом. Осталось провести кое-какие тесты, но я уже знаю, каким будет результат.

А после работы я пойду домой кружной дорогой и по пути загляну в городской парк, заросший, неухоженный, но что-то есть в нем особое, что проникает, как солнечный луч, прямо в душу, и манит возвращаться снова и снова. Газоны не кошены с самой весны, трава на них высокая, хрупкая, густого водянисто-зеленого цвета. Каждая травинка, разбухшая от влаги, тянется к тебе, цепляется за щиколотки. А когда ты проходишь, остается лежать, поломанная, втоптанная в землю, неживая. По такой траве страшно ходить, как будто совершаешь убийство.

Я увижу пруд с тускло-желтой водой, никогда не отражающей звезды. И настороженные силуэты над ним с протянутыми или распростертыми, словно руки, ветвями, молчаливые и цветущие.

Говорят, когда-то давно здесь плескалось море, а потом оно ушло, отступило в другие берега, оставив после себя обломки ракушек, искорки янтаря и гладкие, обточенные водой камни. Вот только все дело в том, что море не может исчезнуть. Оно было, есть и будет всегда, потому что оно — сама жизнь, неделимая, единственная и вечная.

Я прислонюсь спиной к грязно-черному, словно угольному, стволу и, закрыв глаза, подставлю лицо соленому ветру. Мне послышатся крики чаек, протяжные и глухие, точно долетающие из иной реальности, и вкрадчивый шелест волн, перекатывающих прямо у моих ног теплую золотую гальку. Я знаю, море где-то совсем близко, только не каждый способен его увидеть.

© Copyright: Джон Маверик, 2009